

На интерес Пушкина к Шекспиру литературная критика обратила внимание еще при жизни поэта. Уже современники и друзья Пушкина сравнивали его с Шекспиром (как, впрочем, и с другими мировыми гениями). Так, например, известна запись В. Ф. Одоевского, в ко-

Н. В. ЗАХАРОВ

Шекспиризм Пушкина

торой он размышлял о привлекшей его в «Капитанской дочке» способности автора отделять от себя героя, в то же время наделяя его какими-то чертами собственного характера: «Была минута, когда Шекспир был Макбетом, Гёте — Мефистофелем, Пушкин — Пугачевым, Го-

Статья выполнена в рамках проекта «Россия и Европа: диалог культур во взаимоотражении литературы», осуществляемого при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) (грант 06-04-00578а).

голь — Тарасом Бульбою; из этого следует, что они такими и остались; но чтобы сделать живыми своих героев, поэты должны были отыскивать их чувства, их мысли, даже их движения в самих себе»¹. Барон Е. Ф. Розен (Северная Пчела, 1835, № 38) ставил Пушкина в ряд мировых гениев и даже выше Шекспира и Гёте². В прижизненной критике Пушкина Шекспир становится критерием эстетического совершенства и художественного мастерства³.

Первой работой, всецело посвященной проблеме влияния Шекспира на русского поэта, стала глава «Шекспиризм» в книге П. В. Анненкова «Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху»⁴. «Шекспиризм» — слово, которое придумал П. В. Анненков. Оно достаточно точно (по аналогии с «байронизмом») характеризует мировоззренческую подоплеку пушкинского увлечения Шекспиром. «Шекспиризм» Пушкина можно определить как художественно-эстетический комплекс идей, который характеризует шекспировское видение и понимание истории и современности, прошлого и будущего (собственно, это то, что Пушкин назвал «взглядом Шекспира»); это и художественные открытия Шекспира (концепция характеров, концепция истории, роль случая в истории, смешение стилей и т. п.), которые Пушкин воспринял в своем творчестве.

В дальнейшем к изучению проблемы пушкинского «шекспиризма» обращались многие исследователи⁵. Говоря о «шекспиризме» Пушкина, академик М. П. Алексеев пишет, что о пушкинском увлечении великим английским драматургом начали писать ближайшие современники русского поэта, для которых этот вопрос уже тогда представлял огромный интерес, хотя разобраться во всей сложности возникших проблем они не сумели. Как отмечает Алексеев, хотя все ранние исследования об отношении Пушкина к Шекспиру, содержат интересные и верные наблюдения по этому поводу, но выводы их ограничены недостаточным знанием рукописей Пушкина, которые были

введены в научный оборот значительно позже. Только после публикации всего пушкинского рукописного наследия представилась возможность оценить, в каком объеме Пушкин был знаком с Шекспиром и с критической литературой о нем.

Другая проблема состоит в том, что некоторые сведения, которыми пользовались первые исследователи пушкинского «шекспиризма», имели явно мистифицированный характер. Так, например, еще при жизни великого русского поэта в конце 1820-х годов в английской печати появились два сообщения о том, что Пушкин будто бы начал свою литературную деятельность с перевода «Короля Лира» Шекспира⁶. Известно, что первым знакомством с «Королем Лиром» Шекспира русский читатель обязан не Пушкину, а Н. И. Гнедичу. Именно он перевел на русский язык шекспировскую трагедию, вернее, переделку «Короля Лира» Ж. Ф. Дюси (J. F. Ducis) с французского языка. Эта ошибка ввела в заблуждение первых зарубежных читателей и исследователей творчества Пушкина⁷.

Выявлены в основном очевидные, внешние следы присутствия Шекспира в пушкинских текстах: прокомментированы высказывания Пушкина о творчестве английского драматурга, упоминания его имени и имен его героев, использование шекспировских сюжетов и характеров, отмечена роль, которую оба гения сыграли в развитии национальных литературных языков, создателями которых в Англии был Шекспир, в России — Пушкин⁸.

Несмотря на значительный объем трудов русских и зарубежных исследователей, в осмыслении проблем пушкинского шекспиризма до сих пор нет достаточной ясности. Отчасти этой ясности нет потому, что каждый из исследователей стремился обсуждать эту тему в целом, избегая решения частных проблем.

Точность и краткость пушкинского самовыражения в слове изумительны. Сам Пушкин — явление искусства. Творчество для Пушкина — высшая степень самосознания

творца. Пушкинские отзывы о своих произведениях по своему значению, глубине и силе выражения превосходят научную критику. Пушкин лучше разъяснял Пушкина, чем это делала критика. Уровень критического анализа обуславливается прежде всего степенью восприятия критиками пушкинских отзывов о Шекспире.

Многие исследователи считают, что знакомство Пушкина с произведениями Шекспира произошло в начале 1820-х годов, хотя очевидно, что его интерес к Шекспиру мог возникнуть значительно раньше: в лицейские годы на лекциях А. И. Галича, который много говорил и писал о Шекспире⁹; во время путешествия с генералом Н. Н. Раевским в 1820 году на Кавказ и в Крым¹⁰; исследователи усматривают влияние Шекспира в стихотворении 1821 года «Кинжал»¹¹; Шекспир был на слуху в литературном быту, в книгах и журналах. Но в текстах Пушкина имя Шекспира впервые встречается в полицейской выписке из недошедшего до нас письма, отправленного, как считают одни исследователи, П. А. Вяземскому или, как полагают другие, В. К. Кюхельбекеру: «Читая Шекспира и Библию, святой дух иногда мне по сердцу, но предпочитаю Гете и Шекспира. — Ты хочешь знать, что я делаю — пишу пестрые строфы романтической поэмы — и беру уроки чистого афеизма. Здесь англичанин, глухой философ, единственный умный афей, которого я еще встретил. Он исписал листов 1000, чтобы доказать, qu'il ne peut exister d'être intelligent Createur et regulateur, мимоходом уничтожая слабые доказательства бессмертия души. Система не столь утешительная, как обыкновенно думают, но к несчастью более всего правдоподобная» (XIII, 92)¹². Именно этот отрывок из письма является первым документальным подтверждением факта пушкинского чтения Шекспира.

С этого момента началось систематическое изучение Пушкиным Шекспира. Оливия Эммет находит шекспировские образы в написанной в 1823 году первой главе «Евгения Онегина»¹³. В XXXVIII строфе вто-

рой главы «Евгения Онегина», оконченной в Одессе 8 декабря 1823 года, Пушкин цитирует восклицание Гамлета над черепом шута «Poor Yorick!»¹⁴:

Своим пенатам возвращенный,
Владимир Ленский посетил
Соседа памятник смиренный,
И вздох он пеплу посвятил;
И долго сердце грустно было.
«“Poor Yorick!” — молвил он уныло, —
Он на руках меня держал». (VI, 48)

К этим стихам Пушкин делает примечание: «“Бедный Йорик!” — восклицание Гамлета над черепом шута (см. Шекспира и Стерна)» (VI, 162). Во втором случае имеется в виду эпитафия на могиле пастора Йорика в романе А. Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена»¹⁵. Как отмечает М. П. Алексеев, Пушкин «воспроизвел вкратце то примечание, которое к восклицанию Гамлета дано во французском издании “Полного собрания сочинений Шекспира” 1821 г. под редакцией Ф. Гизо и А. Пишо»¹⁶. По этому же поводу В. В. Набоков писал: «Примечание Пушкина восходит непосредственно к исправленному Ф. Гизо и Амедеем Пишо изданию “Гамлета” в переводе Летурнера, которое было в библиотеке Пушкина (*Œuvres complètes de Shakespeare*, vol. 1. Paris, 1821), где примечание на страницах 386–87 гласит: “Увы, бедный Йорик!” Все помнят и главу Стерна, где он цитирует эти слова Гамлета, и как в “Сентиментальном путешествии” [пер. Ж. П. Френэ, 1769] он, кстати, дал самому себе имя Йорика»¹⁷. Данные суждения явно не исчерпывают предмет разговора: восклицание Гамлета имело место прежде всего в тексте Шекспира («Alas, poor Yorick!»), и Ленский цитирует «Гамлета» на английском языке. В конце концов, не столь важно, с чьей подачи Пушкин впервые процитировал Шекспира, важно то, что он это сделал на английском языке, что обозначило его интерес к оригинальным текстам Шекспира.

Французское издание Шекспира 1821 года было, возможно, основным источником,

по которому Пушкин начал изучать пьесы великого драматурга в 1823–1825 гг.¹⁸ Известно предположение А. П. Гроссмана о том, что с этим изданием поэт мог ознакомиться в одесской библиотеке графа М. С. Воронцова¹⁹. Большинство прозаических переводов произведений Шекспира были сделаны Летуриером еще в XVIII веке (выходили с 1776 по 1782 год и заняли 20 томов), исправлены позже Ф. Гизо и А. Пишо²⁰; Ф. Гизо также принадлежала большая вводная статья «Жизнь Шекспира», которая особенно заинтересовала Пушкина. Поэт тщательно изучил в ней не только биографию английского драматурга, но анализ драматургических принципов Шекспира²¹. Так, например, Ф. Гизо утверждал, что корни драмы лежат в народных представлениях и развлечениях. По этому поводу М. П. Алексеев замечает: «Сходную мысль мы неоднократно встречаем и у Пушкина, в частности в начале его незаконченной статьи о «Марфе Посаднице» М. П. Погодина («Драма родилась на площади и составляла увеселение народное» и т. д.; XI, 178). Существенными для Пушкина были характеристики исторических хроник Шекспира, их жанровые особенностей, их зависимость от английских летописных источников (в частности, от хроники Холиншеда). К лучшим страницам статьи Гизо, внимательно прочтенным Пушкиным, относятся также критические замечания о «широком изложении» типических характеров в произведениях Шекспира»²². Очевидно, что, начав в конце 1824 года работу над русской трагедией, Пушкин в основном руководствовался своими собственными представлениями о драме, которые он обсуждал в письмах и разговорах с друзьями П. А. Вяземским, В. Кюхельбекером, Н. Н. Раевским-сыном, А. А. Дельвигом. Несколько месяцев спустя Пушкин выписывает к себе в Михайловское книгу по истории драматургии А. В. Шлегеля²³. Во французском переводе книги Шлегеля есть главы, посвященные Шекспиру²⁴. Хотя до нас дошел презрительный отзыв Пушкина о немецких романтиках, приведенный в мемуарах Ксенофонта Полевого, но в чисто

художественном отношении для Пушкина не могла не пройти незамеченной попытка Шлегеля мотивировать жанровые особенности шекспировского театра, смесь комического с трагическим, стихов с прозой, исходя из самого «духа романтизма». Большое значение для Пушкина могли иметь сочинения де Сталь, «писательницы, в свою очередь находившейся под влиянием идей немецких критиков и эстетиков, в частности того же Шлегеля»²⁵. Так, в книге Ж. де Сталь «О литературе» Шекспиру посвящена отдельная глава²⁶, а ее вышедшей посмертно книге «Десять лет изгнания» (1821) Россия как великое историческое явление сопоставлялась с шекспировской пьесой²⁷. Еще до получения книги Шлегеля Пушкин мог ознакомиться с некоторыми ее положениями в театральном альманахе Ф. Булгарина «Русская Талия», вышедшем в 1825 году. Эту книгу Пушкин получил в начале апреля, и она содержала статью «Междудействие, или разговор в театре о драматическом искусстве». Статья за подписью «А. Ф.» пересказывала несколько страниц из труда Шлегеля, в частности критику французской классической трагедии, основанной на системе «трех единств», но о «трагедиях Шекспира в ней ничего существенного не сказано»²⁸.

Позже А. С. Пушкин критиковал эти интерпретации Шекспира. В своей статье «О Мильтоне и Шатобриановском переводе Потерянного рая» Пушкин называет их неудовлетворительными для современного читателя: «Наконец критика спохватилась. Стали подозревать, что г. Летуриер мог ошибочно судить о Шекспире, и не совсем благо-разумно поступил, переправляя на свой лад Гамлета, Ромео и Лира. От переводчиков стали требовать более верности, и менее щекотливости и усердия к публике — пожелали видеть Данте, Шекспира и Сервантеса в их собственном виде, в их народной одежде» (XII, 137).

Можно с уверенностью сказать, что увлеченность Шекспиром у Пушкина даже затмила его прежний юношеский идеал, его любовь к другому английскому поэту — ро-

мантику Байрону. О перемене пушкинских пристрастий С. Давыдов пишет: «Революционный юг, свободная стихия моря, увлечение Байроном остались позади. В российской глубинке, в своем родовом имении Пушкин отслужил обедню «за упокой раба Божия боярина Георгия (Байрона)»... и начал усваивать другой, глубоко антиромантический урок²⁹. Трагедия Шекспира и *История Государства Российского* Карамзина определяют теперь взгляды Пушкина на свободу, государственность и религию»³⁰. Пушкин писал в конце июля 1825 года Н. Н. Раевскому из Михайловского: «...Но до чего изумителен Шекспир! Не могу прийти в себя! Как мелок по сравнению с ним Байрон-трагик!» (французский текст письма: XIII, 197; русский перевод: XIII, 541).

Любопытное замечание об отношении Пушкина к романтической драме Гюго и Байрона дал А. Аникст: «Особенно тщательно исследовал Пушкин принципы шекспировского драматизма в 1824–1825 годы, то есть именно тогда, когда созрел замысел и создавался «Борис Годунов». В этот период Пушкин окончательно решил, что его учителем в драме мог быть только Шекспир»³¹. В восприятии Пушкина Шекспир победил романтиков своей естественностью, реалистичностью в изображении людей, полнотой многосторонности и противоречивости характера. Всего этого не было в созданиях романтиков, гиперболизировавших страсти и обеднявших этим характеры своих героев: «Байрон, который создал всего-навсего один характер (у женщин нет характера, у них бывают страсти в молодости; вот почему так легко изображать их), этот самый Байрон распределил между своими героями отдельные черты собственного характера; одному он придал свою гордость, другому — свою ненависть, третьему — свою тоску и т. д., и таким путем из одного цельного характера, мрачного и энергичного, создал несколько ничтожных — это вовсе не трагедия» (XIII, 541). По мнению А. Аникста, в романтической драме Пушкина не устраивал чрезмерный субъективизм романтиков,

он считал его недостаточно драматичным. Он принимал лиричность драматургии романтиков, но все же «пришел к мысли о необходимости глубокой жизненной правды в драме. И его идеалом стал Шекспир»³².

В свое время П. В. Анненков задавал риторический вопрос и сам же отвечал на него: «Нужно ли распространяться о том, что поклонение Шекспиру, окончательно потушившее старое служение Байрону, уже сильно поколебленное и до того, — было шагом вперед для Пушкина? Прежде всего новое направление значительно укоротило дорогу поэту для сближения его с русским народным духом, с приемами народного творчества и мышления. Трудно себе и представить, чтобы при изучении Шекспира можно было пропустить без внимания значение национальных элементов вообще, как воспитателей фантазии и мысли поэта»³³.

По мнению М. П. Алексеева, «нам неизвестна и едва ли будет установлена в дальнейшем последовательность ознакомления Пушкина с произведениями Шекспира в 1824–1825 гг.; мы догадываемся лишь, что к этому времени Пушкин успел уже изучить не только все основные пьесы, но и его поэмы, и может быть, даже его сонеты. На примерах произведений Шекспира Пушкин задумывался над тем, как история некогда решала актуальные для России его времени проблемы узурпации власти, соотношения народа и правителей, преступления и наказания, индивидуальной больной совести и общественного блага, любви и ненависти в различной социальной среде, и т. д.»³⁴. Перечисляя ряд произведений, которые с особым вниманием читал и перечитывал в тот период Пушкин, М. П. Алексеев отмечает «Гамлета», «Макбета», «Ричарда III» и ряд исторических хроник Шекспира, чье влияние наиболее ярко отразилось в произведениях Пушкина последующих лет: в трагедии «Борис Годунов» и поэме «Граф Нулин».

Позже, по прошествии десяти лет, пушкинский интерес к христианской символике и нравоучительным образам проявился

в попытке перевода шекспировской комедии «Мера за меру» и ее переделке в поэму «Анджело»³⁵, которую сам поэт оценивал как вершину своего творческого развития: «Наши критики не обратили внимания на эту пьесу и думают, что это одно из слабых моих сочинений, тогда как ничего лучшего я не написал»³⁶. В этой поэме шекспиризм Пушкина достиг наивысшей точки своего развития.

¹ Цит. по: Сахаров В. И. Еще о Пушкине и В. Ф. Одоевском // Пушкин Исследования и материалы. Т. IX. М.-Л., 1979. С. 225.

² См.: Трубачев С. С. Пушкин в русской критике 1820–1880. СПб., 1889. С. 268.

³ Сравнения Пушкина с Шекспиром в отзывах барона Е. Ф. Розена, Фарнгаген фон Энзе, Г. Раича, В. Белинского и др. см. в упомянутом выше обзоре С. С. Трубачева.

⁴ См.: Анненков П. В. Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху. VIII. Шекспиризм // Вестник Европы. 1874. Кн. 2. С. 532–537. Отд. изд.: Анненков П. В. Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху. СПб., 1874. С. 293–300. Современное изд.: Анненков П. В. Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху. Минск, 1998. С. 205–210.

⁵ См.: Чуйко В. Шекспир и Пушкин // Отклик. СПб., 1881. С. 194–233; Тимофеев С. Шекспир и Пушкин // Дело. 1886. №5. С. 231–252; Покровский М. М. Шекспиризм Пушкина // Пушкин. Сочинения. Т. IV. СПб.: Изд. Брокгауз и Ефрон, 1910. С. 1–20; Спасский Ю. Пушкин и Шекспир // Известия АН СССР. Отд. Обществ. Наук. 1937. №2–3. С. 413–430; Боброва М. Н. К вопросу о влиянии Шекспира в трагедии Пушкина «Борис Годунов» // Литература в школе. 1939. №2. С. 69–80; Урнов Д. М. Пушкин и Шекспир (1830-е гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1966; Урнов М. В., Урнов Д. М. Споры о Шекспире. Пушкин и Шекспир // Шекспир. Движение во времени. М.: Наука, 1968. С. 116–148; Левин Ю. Д. Некоторые вопросы шекспиризма Пушкина // Пушкин. Исследования и материалы. Т. VII: Пушкин и мировая литература. М.-Л., 1974. С. 59–85; Pokrowskij M. Puschkin und Shakespeare //

Jahrbuch der Deutschen Shakespeare-Gesellschaft. 1907. Jg. XLIII, S. 169–209; Herford C. H. A Russian Shakespearean // Bulletin of John Rylands Library. 1925. Vol. IX, №2. P. 453–480; Gifford H. Shakespearean elements in «Boris Godunov» // Slavonic and East European review. 1947. Vol. XXVI. №66. P. 152–160; Lavrin J. Puskin and Russian Literature. L., 1947. P. 140–160; Kreft B. Puskin in Shakespeare. Ljubljana, 1952; Wolff T. A Shakespeare's influence on Pushkin's dramatic work // Shakespeare survey. 1952. Vol. V. P. 93–105. О влиянии Шекспира на Пушкина также писали: Стороженко Н. Отношение Пушкина к иностранной словесности // Венок на памятник Пушкину. СПб., 1880. С. 223–227, Тимофеев С. Влияние Шекспира на русскую драму. Историко-критический этюд. М., 1887. С. 50–83; Козмин Н. Взгляд Пушкина на драму. СПб., 1900. С. 13–14, 19–40; Жирмунский В. М. Пушкин и западные литературы // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Т. III. М.-Л., 1937. С. 66–103; Позов А. Метафизика Пушкина. М., 1998. С. 97–119. О шекспиризме Пушкина говорилось в работах о «Борисе Годунове»: Винокур Г. О. Комментарии к «Борису Годунову» А. С. Пушкина. М., 1999 (ранее: Винокур Г. О. Комментарий к «Борису Годунову» // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Л., 1935. Т. VII. С. 385–505); Городецкий Б. П. «Борис Годунов» в творчестве Пушкина // «Борис Годунов» А. С. Пушкина: сб. статей / под общ. ред. К. Н. Державина. Л., 1936. С. 20–26; Верховский Н. П. Западноевропейская историческая драма и «Борис Годунов» Пушкина // Западный сборник. Т. 1 / ред. В. М. Жирмунский. М.-Л., 1937. С. 187–226; Арденс Н. Н. «Шекспиризм» Пушкина // Арденс Н. Н. Драматургия и театр А. С. Пушкина. М., 1939. С. 135–146; Загорский М. Пушкин и театр. СПб., 1940. С. 126–127, 244–248; Бонди С. М. Драматургия Пушкина и русская драматургия XIX в. // Пушкин — родоначальник новой русской литературы: сб. науч.-иссл. работ. М.-Л., 1941. С. 365–391; Городецкий Б. П. Драматургия Пушкина. М.-Л., 1953. С. 93–97; Он же. Трагедия Пушкина «Борис Годунов». Комментарий. Л., 1969; Лотман Л. М. Комментарии к «Борису Годунову» // А. С. Пушкин «Борис Годунов», трагедия /

предисл., подг. текста, статья «Творческая история пьесы» С. А. Фомичева. СПб., 1996; Ронен И. Смысловый строй трагедии Пушкина «Борис Годунов». М., 1997; и др. Наиболее обстоятельный и глубокий обзор эволюции пушкинского отношения к Шекспиру представлен в работе: Алексеев М. П. Пушкин и Шекспир. // Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. Л., 1972. С. 240–280.

⁶ Первое сообщение (об антологии русской поэзии) принадлежало анонимному автору: *The Foreign Quarterly Review*. 1827. Vol. 1, №2. P. 624–625. Автор другого — путешественник А. Б. Гренвилл: *Granville A. B. 1828. St. Petersburg. A Journal of travels to and from that Capital*, vol. II. L., s. a. P. 245.

⁷ Впервые имя Шекспира в России упомянул А. П. Сумароков в «Эпистоле о стихотворстве» (1748). В том же году был издан «Гамлет» Сумарокова — классическая трагедия, созданная по французскому переводу-пересказу Лапласа (1745). Ранние сведения о Шекспире попадали в Россию в основном через французскую и немецкую печать. Даже в начале XIX века пьесы Шекспира перелагались с французских классических адаптаций Ж. Ф. Дюсси (1733–1816). Особо следует отметить прозаический перевод «Юлия Цезаря», выполненный Н. М. Карамзиным с подлинника в 1787 году. Романтический культ Шекспира утвердился в России с начала XIX века, но только в 20-е годы этого века появляются первые русские переводы с английского языка.

⁸ Ср.: «Его (Шекспира. — Н. З.) язык соотносится с дошекспировской порой, как язык Пушкина — с допушкинской (в границах своих национальных литератур эпохальное значение этих классиков вполне сопоставимо)». — Саруханян А. П. Введение // *Английская литература XX века и наследие Шекспира*. М., 1997. С. 6.

⁹ Автор признателен профессору В. А. Кошелеву за указание о возможном влиянии А. И. Галича на пробуждение пушкинского интереса к личности и творчеству Шекспира.

¹⁰ Так, дочери героя Отечественной войны генерала Н. Н. Раевского, который выхлопотал для Пушкина разрешение следовать с ним на

Кавказ и в Крым, были англоманками, читали Шекспира по-английски и могли повлиять на возникновение интереса к британскому гению у молодого поэта. См.: Кошелев В. А. Первая книга Пушкина. Томск, 1997.

¹¹ См.: Немировский И. В. Идейная проблематика стихотворения Пушкина «Кинжал» // Пушкин. Исследования и материалы. Т. XIV. Л., 1991. С. 195–204.

¹² Здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, цитаты и ссылки на тексты Пушкина с указанием тома (римской цифрой), страницы (арабской цифрой) даются по изд.: Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 16 т. М.-Л., 1937–1959. В необходимых случаях по прижизненным изданиям и рукописям восстановлена заглавная буква в цитируемых текстах Пушкина.

¹³ О. Эммет считает, что в стихах первой главы «Евгения Онегина»: «И заслужи мне славы дань — / Кривые толки, шум и брань!», можно увидеть тайное или явное созвучие с английской строкой из знаменитого «Макбета» Шекспира: «Life's but a walking shadow? A poor player / That struts and frets his hour upon the stage / And then is heard no more/ It is a tale / Today by an idiot? full of sound and fury, / Signifying nothing». Пушкинские «шум и брань» оказываются, по мнению О. Эммет, гораздо ближе к шекспировским «full of sound and fury», нежели перевод этих же строк Б. Л. Пастернака, который интерпретировал их как: «Жизнь — сказка в пересказе / Глупца. Она полна трескучих слов / И ничего не значит». «Нелепое звучание русского варианта говорит о внутренней глухоте современной культуры, — пишет исследовательница, — не только к шекспировскому образу, но и к опыту национальной традиции. Безупречным поэтическим слухом Пушкин воспринял те божественные звуки, которые нашептали Шекспиру монологи Макбета в финале трагедии» (Эммет О. «Евгений Онегин»: на английском языке (перевод как герменевтическая акция) // Пушкин и теоретико-литературная мысль. М., 1999. С. 248).

¹⁴ В свое время Ю. М. Лотман видел в этом шекспировском восклицании при посещении могилы Ларина Ленским закономерный намек

Пушкина на знаменитый прототип своего героя: «Ленский строит свое «я» по образцу личности Гамлета и перекодирует всю ситуацию в образах шекспировской драмы» (Лотман Ю. М. Пушкин. Биография писателя. Статьи и заметки 1960–1990. «Евгений Онегин». Комментарий. СПб., 1995. С. 427).

¹⁵ См. русский перевод: Стерн Л. Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена. Сентиментальное путешествие по Франции и Италии. М., 1968. С. 50.

¹⁶ Алексеев М. П. Указ. соч. С. 242.

¹⁷ Набоков В. В. Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина / пер. с англ.; ред. А. Н. Николоюкин. М., 1999. С. 306.

¹⁸ В библиотеке Пушкина сохранился том лейпцигского издания драматических сочинений Шекспира на английском языке (Модзалевский Б. А. Библиотека Пушкина: Библиографическое описание // Пушкин и его современники. Вып. IX–X. СПб., 1910. С. 338). Текст этого издания печатался по редакции С. Джонсона, Дж. Стивенса и И. Рида. В приложении содержалась работа А. Скоттове «Жизнь автора», сборник поэм и критический глоссарий: Shakespeare W. The Dramatic Works of Shakespeare, printed from the text of S. Johnson, G. Steevens, and I. Reed. Leipzig, 1824. (An Appendix ... Contents: The Life of the Author by A. Skottowe; his Miscellaneous Poems; A Critical Glossary, etc.). По предположению М. П. Алексеева, поэт приобрел его значительно позже даты издания. На бездоказательный характер этой гипотезы указал американский исследователь Дж. Т. Шоу (Шоу Дж. Т. Поэтика неожиданного у Пушкина. Нерифмованные строки в рифмованной поэзии и рифмованные строки в нерифмованной поэзии / пер. с англ. Т. Скулачевой, М. Гаспарова. М., 2002. С. 332).

¹⁹ Гроссман Л. Пушкин. М., 1958. С. 257.

²⁰ Алексеев М. П. Указ. соч. С. 244.

²¹ Подробнее о статье Ф. Гизо «Жизнь Шекспира» см.: Реизов Б. Г. Шекспир и эстетика французского романтизма. («Жизнь Шекспира» Ф. Гизо) // Шекспир в мировой литературе. М.-Л., 1964. С. 157–197.

²² Алексеев М. П. Указ. соч. С. 260.

²³ См. письма к брату Л. Пушкину от 14 марта, 22 и 23 апреля 1825 года (XIII, 151, 163).

²⁴ Schlegel A. W. Cours de littérature dramatique. 3 vols. P.; Genève, 1814.

²⁵ Полевой Кс. А. Записки. СПб., 1888. С. 199.

²⁶ Staël G. de. De la littérature dans ses rapports avec les institutions sociales. P., 1880.

²⁷ Staël G. de. Dix années d'exil / Ed. nouv. P., 1904. P. 300.

²⁸ Винокур Г. О. Комментарии к «Борису Годунову» А. С. Пушкина. М., 1999. С. 329–330.

²⁹ Отметим комментарий этого эпизода, содержащийся в статье И. Ильина «Пророческое призвание Пушкина»: «Вынутую просвиру пересылает своему брату Льву Сергеевичу, — поступок столь же религиозный, сколь и жизненно-символический» (Ильин И. А. Пророческое призвание Пушкина // Пушкин в русской философской критике. М.: Книга, 1990. С. 338).

³⁰ Давыдов С. Пушкин и христианство // Transactions of the Association of Russian-American Scholars in U. S. A., vol. 25. N. Y., 1992—1993. P. 79.

³¹ Аникст А. Теория драмы в России от Пушкина до Чехова. М., 1972. С. 44.

³² Там же.

³³ Анненков П. В. Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина. М., 1999. С. 206.

³⁴ Алексеев М. П. Указ. соч. С. 249.

³⁵ Там же.

³⁶ Пушкин А. С. А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. СПб., 1998. Т. 2. С. 233.